

УДК 821.161.1-32(Пелевин В. О.)

Л.Ю. Бабкина
Екатеринбург

**Ассоциативные цепочки как рефлексивная
составляющая сознания персонажа
художественного текста**

Аннотация. В статье на материале рассказа «Хрустальный мир» В. О. Пелевина дан анализ ассоциативной цепочки, разворачивающейся в сознании одного из персонажей в попытках запоминания имени собственного. Показано, как в контексте реализуется рефлексия персонажа в отношении нового для него знания. Анализ производится по адаптированной методике И. В. Ружицкого. Особое внимание автор обращает на экспликацию метакогнитивных знаний персонажа при отслеживании собственной когнитивной деятельности. Материалы статьи могут использоваться в качестве иллюстраций к курсу «Психолингвистика» по темам «Языковое сознание и языковая личность», «Память и забывание», «Метакогнитивные стратегии» и т. д.

Ключевые слова: языковое сознание, ассоциативные цепочки, когнитивная деятельность, метакогнитивные знания, теории забывания, художественные тексты, рассказы, русская литература, русские писатели, литературные герои.

Сведения об авторе: Бабкина Лея Юрьевна, магистрант первого года обучения ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26; babkina.leya2013@yandex.ru.

L.Yu. Babkina
Yekaterinburg

**Associative chains as reflexive
component of the mind of the character of text**

Abstract. The author of this article, based on V. O. Pelevin's the story "The Crystal World", provides an analysis of the associative chain unfolding in the mind of one of the characters in attempts to memorize a proper name. The purpose of the author is to show how in the context a character's reflection is realized in relation to new knowledge for him. The analysis is performed according to an adapted method of I. V. Ruzhitsky. The author pays special attention to the explication of the character's metacognitive knowledge while tracking his own cognitive activity. These articles can be used as illustrative material for students studying the course "Psycholinguistics", when referring to such topics as "Language Consciousness and Language Personality", "Memory and forgetting", "Metacognitive strategies", etc.

Keywords: linguistic consciousness, associative chains, cognitive activity, metacognitive knowledge, forgetting theories, literary texts, stories, Russian literature, Russian writers, literary heroes.

About the author: Leya Yu. Babkina, undergraduate of the first year of study at the Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg).

Известная модель языковой личности Ю. Н. Караулова включает в себя лексикон (общенациональная составляющая), семантикон (индивидуальная составляющая) и прагматикон (коммуникативная составляющая). Семантикон составляют индивидуальные смыслы, которые могут быть выражены при помощи средств общенационального лек-

сикона. Языковое сознание (далее – ЯС) «охватывает семантикон в его отношении к лексикону: взаимосвязи лексических единиц национального языка, обусловленные личным когнитивным и коммуникативным опытом, за счет чего и осуществляется «перевод» общеязыкового значения в личностный смысл» [Баринова, Нестерова, Овчинникова, 2010, с. 12].

В книге «Русский язык и языковая личность» Ю. Н. Караулов предостерегает от «смещения» ЯС автора и ЯС персонажа [Караулов, 2019, с. 71-72], отмечая, что при попытках описать языковое сознание персонажа художественного текста нам необходимо относиться к персонажу как к данности, допустить эту условность: «забыть» автора, действительного «отправителя» всего текста». Можно согласиться с Ю. Н. Карауловым в том, что у нас недостаточно контекстов, чтобы в полной мере видеть ЯС персонажа, закономерности употребления им тех или иных языковых средств, а также в том, что все персонажи целиком являются отражением ЯС автора [Караулов, 2019, с. 235]. Речь идет о языковой личности, но и по отношению к ЯС данные утверждения правомерны. ЯС по определению не является материальным, а поэтому в любом случае мы вынуждены создавать его модель, чтобы понять его функционирование, следовательно, мы можем анализировать ЯС не только реально существующих людей, но и персонажей художественного текста.

Принципиально важным для определения ЯС представляется понимание его как набора ассоциативных полей – такое положение было выдвинуто рядом отечественных и зарубежных психолингвистов (Ю. Н. Караулов, Дж. Диз и др.). Ассоциативные поля являются совокупностью слов-реакций на слово-стимул, их структура выглядит следующим образом: ядро, ближняя периферия, дальняя периферия и крайняя периферия. Ядром поля являются «ассоциа-

тивные цепочки – единицы восприятия, связанные с конкретным фрагментом действительности, стоящим за ассоциативным полем, национально обусловленные» [Онякова, Ружицкий, 2016, с. 187]. В отличие от ассоциативного ряда цепочка является законченным рядом взаимосвязанных элементов, основанных даже не просто на разных модальностях восприятия информации, а на их синестетических комплексах, на синтезе вербальной и невербальной составляющей [Гридина, Коновалова, 2016, с. 75-85].

Для анализа нами был выбран текст Виктора Олеговича Пелевина «Хрустальный мир».

Выбор текста обусловлен двумя факторами:

1. Проблема соотношения «язык» – «речь», вопрос о нетождественности вербализованной мысли и декодированного адресатом сообщения, – сквозные темы в творчестве В.О. Пелевина. Кроме того, его персонажи обладают высокой степенью развитости метаязыка, они склонны к рефлексии, а их монологи и диалоги могут служить иллюстративным материалом для изучения психолингвистического аспекта ассоциирования, в том числе в мнестических процессах кодирования и декодирования информации [Гридина, Коновалова, 2014, с. 128-134].

2. Краткость формы: ассоциативные цепочки в произведениях, обладающих таким свойством, как интертекстуальность, более явно прослеживаются в небольших жанровых формах (рассказ, повесть).

Персонажи, участвующие в анализируемом диалоге: **Юрий Попович** и **Николай Муромцев**.

Персонаж, чье ЯС выступает предметом анализа, **Николай Муромцев**.

Контекст (конситуация): юнкеры Юрий и Николай охраняют путь по Шпалерной улице в Смольный, получив приказ от капитана на разводе «Не пропускать по Шпалерной в сторону Смольного ни одну штатскую б..дь». Моло-

дые люди достаточно образованны, обсуждают культуру, ситуацию в стране (24 октября 1917 года), делятся своими философскими рассуждениями относительно индивидуального пути личности и возможности его предопределенности. Им встречаются разные люди, которые пытаются проникнуть в Смольный. На сознание молодых людей влияют эфедрин и кокаин, затуманивая его.

Более узкий контекст: Юрий упоминает в разговоре книгу **Освальда Шпенглера** (очевидно, «Закат Европы») в процессе разговора, юнкеры периодически к ней возвращаются, но Николай никак не может запомнить верный вариант фамилии немецкого философа, пытаюсь создать и применить мнемотехники, но рефлексия не помогает ему: рассказ оканчивается очередной безуспешной попыткой вспомнить фамилию.

И. В. Ружицкий в статье «Цепочка ассоциаций как единица восприятия» [Ружицкий, 2011, с. 77] предлагает следующий алгоритм анализа:

1. Вычленение самой цепочки из прецедента.
2. Источник.
3. Страна создания прецедента.
4. Год создания прецедента.
5. Комментарий: ассоциативный анализ связей в цепочке (+учет контекстуальных связей): контактные / дистантные ассоциаты по степени отдаленности, чем опосредована связь, каким образом выявляется стереотип (отражается связь с общенациональными идеями).

Мы предлагаем трансформированный вариант анализа текста через ассоциативные цепочки, являющиеся ключом к его декодированию:

1. Фрагмент текста, из которого вычлениаем часть цепочки.
2. Выявление стимула и его анализ (Зачастую сам стимул в текстах В. О. Пелевина не назван, это связано с

интертекстуальностью. Читателю видна реакция, а чем она вызвана, остается разгадывать самостоятельно: ориентация на культурную осведомленность воспринимающего, либо на считывание стереотипа). Характер стимула так же важен, как и тип реакции: кем он был дан (внешний он или внутренний), какова установка, сопровождающая стимул. Это обусловлено тем, что в цепочке стимул зачастую является одновременно и реакцией на предыдущее высказывание.

3. Анализ ассоциации: какова по форме и содержанию реакция, какое значение фрагмент имеет в тексте, как в нем отражается языковое сознание персонажа.

Ассоциативная цепочка (реконструирована на основе художественного текста):

ШПЕНГЛЕР – ШПУЛЛЕР – НАДО ЗАПОМНИТЬ – ШПУЛЛЕР – [МАРКС – МАРК АВРЕЛИЙ; NN – 1825 – ДЕКАБРИСТЫ – ЖУРНАЛ, КОНЬЯК] – ШПУЛЛЕР – ЗИНГЕР – ПАРАБЕЛЛУМ – ШТЕЙНЕР – ШПУЛЛЕР – ШТЕЙНЕР.

1. Фрагмент текста № 1: *«Но чтобы не пропустить кого-то к Смольному по Шпалерной, надо, чтобы кроме двух готовых выполнить приказ юнкеров существовал и этот третий, пытающийся туда пройти, – а его не было, и пока боевая вахта сводилась к довольно путаному рассказу Юрия о рукописи какого-то немца, которую сам Николай не мог прочесть из-за плохого знания языка.*

– Как его зовут? **Шпуллер?**

– **Шпенглер**, – повторил Юрий.

– А как книга называется?

– *Неизвестно. Я ж говорю, она еще не вышла. Это была машинопись первых глав. Через Швейцарию провезли».*

1. Стимул: Шпенглер (от Юрия) – во фрагменте не указывается первоначально, слышим только повтор после вопроса Николая, первой попытки повторить.

2. Реакция: «Как его зовут? Шпуллер? А как книга называется?» Мгновенное забывание. Выдвижение фонетически близкого варианта фамилии, парадигматика (и стимул и реакция – имя собственное, фамилия автора обсуждаемого произведения), поиск дополнительного стимула для запоминания – спрашивает название книги. Скорее всего, связь дистантная, это можно предположить, достроив невоспроизведенные части диалога: по идиостилию каждого из героев произведения на протяжении всего текста, а также на данные автором указания на характер речи Юрия: «путанный рассказ» (Ср.: *Путанный* – прич. страд. прош. от путать. Путать – 3. Говорить, рассказывать, неточно передавая суть и последовательность событий (без намерения ввести в заблуждение) – [Словарь русского языка под ред. А. П. Евгеньевой, 1999]. Кроме того, сознание героев затуманены действием наркотических веществ. Логично предположить, что после произнесения самой фамилии Юрий мог строить длинные осложненные синтаксические конструкции, следовательно, от стимула до реакции проходит длинный путь. По А. А. Смирнову, запоминание (то, к чему стремится персонаж) является результатом работы с материалом, не результатом времени, а достижение мнемической работы [см. об этом: Петухов, лекции МГУ 46-49, тема 37].

Почти все представленные фрагменты иллюстрируют работу с произвольной памятью, то есть в сознании героя текста присутствует намеренная потребность, которая возникает в виде некоторых установок. Для нашего анализа важны две из них: установка на полноту запоминания, а также – на своевременность. Николай стремится запомнить весь контекст, связать Шпенглера с его книгой о культуре (см. далее); в рамках конкретного коммуникативного акта воспроизвести зафиксированное в памяти имя собственное.

1. **Фрагмент текста № 2:** «– Неизвестно. Я ж говорю, она еще не вышла. Это была машинопись первых глав. Через Швейцарию провезли.

– **Надо запомнить**, – пробормотал Николай и тут же опять начисто забыл немецкую фамилию – зато прочно запомнил совершенно бессмысленное слово «Шпуллер».

2. Стимул: автостимул (стимул = собственная установка (причем сознательная: «надо запомнить»), т.к. нового внешнего стимула получить не удалось: «Неизвестно» - о названии книги.

3. Реакция: забывание и запоминание первичной попытки воспроизведения услышанного – «Шпуллер». Происходит проактивная интерференция: «Шпуллер» – раннее зафиксированный Николаем вариант фамилии мешает запоминанию повторяемой Юрием информации. В этом фрагменте отражена даже сенсорная, эхоическая, память, переходящая от включения внимания в кратковременную: «**тут же** опять начисто забыл» – о скорости мнемических процессов [см. об этом: Лефрансуа, 2007, с. 166-208]. Дистантная связь, реакции на собственную установку не произошло, реакция на свою же более раннюю реакцию - тождественная неудачная попытка вспомнить фамилию. Помимо интерференции, память Николая отчасти подвержена вытеснению: мы имеем дело с неосознанной установкой, противоречащей вербализованной сознательной. Герой «Хрустального мира» чувствует внутренние противоречия между интересом к культурным прецедентам, которые упоминает Юрий, и нежеланием говорить об упадке, который обозрим им лично. Реакция по-прежнему фонетическая (по форме), парадигматическая (по содержанию). Автор обращает внимание читателя на высокую степень интенсивности реакций в данном блоке текста: «**начисто** забыл», «**прочно** запомнил», причем данные обстоятельства степени скорее характеризуют оценку не с внешней сторо-

ны, а оценку самого субъекта речи. Эти лексические средства показывают читателю начало рефлексивного пути персонажа, который по мере продвижения по тексту будет видиться все более сложным.

1. **Фрагмент текста № 3:** *«Такие вещи происходили с ним все время: когда он пытался что-то запомнить, из головы вылетало именно это что-то, а оставались разные вспомогательные конструкции, которые должны были помочь сохранить запоминаемое в памяти, причем оставались очень основательно: пытаюсь вспомнить фамилию бородатого немецкого анархиста, которым зачитывалась гимназистка-сестра, он немедленно представлял себе памятник Марку Аврелию...»*

2. Стимул: не упоминается автором, но считается как интертекст, а именно – стереотипная поверхностная ассоциация читателя, следующая за узнаванием Ленина в более ранних контекстах рассказа: реакция на «Ленин» – «Маркс» в «РАС» Ю.Н. Караулова является крайней периферией (<http://www.thesaurus.ru/dict/>), но на стимул «Маркс» реакция «Ленин» возникает по частотности сразу после «Энгельс» («И Энгельс»), «Карл». Николай имеет в виду Карла Маркса, посылая читателю три сигнала: а) фонетический: Марк – Маркс; б) семантический: немецкое происхождение; в) формальный: внешнее упоминание бороды, как значимой детали.

3. Реакция: невербальная (точнее – не только вербальная) – памятник Марку Аврелию (визуально-кинестетическая). Мнемонические средства, напротив, мешают запоминанию, реализуя процесс ретроактивного торможения (или интерференции): «пытаясь вспомнить <...> Николай представлял себе памятник Марку Аврелию» – то есть до этого Николай сохранил в памяти фонетическое сходство «Маркс» – «Марк», полагая, что развертывание информации пойдет по обратному пути: от Марка

к Марксу, однако запомнил только «Марк», начав строить новый, не ведущий к запоминаемому «Маркс» ряд: представлять изображение памятника Аврелию. Если анализировать вербальную составляющую, то ассоциация по степени отдаленности – контактная; фонетическая по форме; ни парадигму, ни синтагму со словом – стимулом не составляет. Хотя формально *Маркс* – *Марк* – это парадигма фамилий, но семантически коммунист и стоик никакой парадигмы для Николая не образуют.

На данном этапе, перед самым примером автором вводится значительный фрагмент-обобщение, описание механизма забывания при установке на удержание в памяти: «вылетает» необходимое – остаются сами ассоциаты, которые предполагались быть переходными элементами от услышанного к воспроизведенному, фрагментами собственно выстроенной ассоциативной мнемотехники. Сохраняется внимание к интенсивности когнитивного опыта: «вылетало» – о скорости забывания, «очень основательно» – о качестве запоминания. Данные рассуждения не звучат из уст персонажа, но они являются не только знанием автора о нем, но и знанием Николая о самом себе, благодаря которому он имеет возможность использовать сложные стратегии обработки информации: формирование аналогии, связывание [Лефрансау, 2007, с. 197].

1. **Фрагмент текста № 4:** «...а вспоминая номер какого-нибудь дома, он вдруг сталкивался с датой «1825» и пятью профилями – не то с коньячной бутылки, не то из теософского журнала».

2. Стимул: любой числовой пп – «номер какого-нибудь дома».

3. Реакция: *пп – 1825 – декабристы – 5 профилей* (невербальная реакция – визуальная) – «Полярная звезда» (журнал), визуальная – коньячная бутылка. Цепная реакция, контактные связи от одного ассоциата к другому.

Изображения медальона на журнале и коньячной бутылке могли возникать одновременно или попеременно, следовательно, могут восприниматься как звенья цепи или как два ответвления от визуального стимула в виде профиля декабристов. В данном случае мнемотехника не используется: Николай демонстрирует неспособность удерживания внимания в следовании за собственными стимулами.

1. *Фрагмент текста № 5*: «Он сделал еще одну попытку вспомнить немецкую фамилию, но вслед за словом «Шпуллер» выскочили слова «Зингер» и «Парабеллум», второе было вообще не при чем, а первое не могло быть нужным именем, потому что начиналось не на «Ш». Тогда Николай решил поступить хитро и запомнить слово «Шпуллер» как похожее на вылетевшую из головы фамилию, по идее, при этом оно должно было забыться, уступив этой фамилии место».

2. Стимул: установка вспомнить.

3. Реакция: цепная: Шпуллер – Зингер – Парабеллум. «Зингер» может считаться парадигматической реакцией, т.к. это ряд немецких фамилий. «Парабеллум» не имеет к «Шпуллер», как верно отрефлексировал Николай, отношения, однако в ряду с «Зингер» отражает тревожность и мысли о военных действиях, идентифицирует Николая как юнкера и как человека, переживающего 1917 год. Также наблюдается фонетическое сходное звучание. Усиливается рефлексия Николая и общая тревожность уместается в тревожность о словах: Николая беспокоит не фамилия, скорее – упадок культуры, обстановка в стране и его физическое состояние в связи с наркотической зависимостью. «Тогда Николай решил поступить хитро и запомнить слово «Шпуллер» как похожее на вылетевшую из головы фамилию, по идее, при этом оно должно было забыться, уступив этой фамилии место». Рассуждая, он использует императивы: слово «**должно было забыться, уступив** этой фамилии

место». Герой способен к высокой степени метаязыковой рефлексии: читатель наблюдает не только частные примеры попыток вспомнить/забыть слова и высказывания, но и обобщения этих попыток, различные варианты работы с индивидуально разработанными мнемотехниками. Николай производит деконструкцию ранее разработанного мнемотехнического приема, в котором он все время сталкивался с интерференцией как результатом. Он раскладывает собственную методику на составные элементы: 1) создать ассоциацию к запоминаемому; 2) через ассоциацию актуализировать запоминаемое, и меняет их местами, так как сама ассоциация становилась запомненной фигурой.

1. **Фрагмент текста № 6:** *«Николай уже решил переспросить товарища, как вдруг заметил темную фигуру, крадущуюся вдоль стены со стороны Литейного проспекта, и дернул едущего рядом Юрия за рукав».*

2. Стимул: очевидно, реакция появилась после стимула «Парабеллум».

3. Реакция: Интенция переспросить, навязчивое желание заполнить лакуну. Цепочка обрывается внешними действиями.

1. **Фрагмент текста № 7:** *«– Самое интересное, – продолжал он, – что человек чаще всего не догадывается, в чем его миссия, и не узнает того момента, когда выполняет действие, ради которого был послан на землю. Скажем, он считал, что он композитор и его задача – писать музыку, а на самом деле единственная цель его существования – попасть под телегу на пути в консерваторию.*

– Это зачем?

– Ну, например, затем, чтобы у дамы, едущей на извозчике, от страха получился выкидыш, и человечество избавилось от нового Чингисхана. Или затем, чтобы кому-то, стоящему у окна, пришла в голову новая мысль. Мало ли.

– Ну если так рассуждать, – сказал Николай, – то, конечно, миссия есть у каждого. Только узнать о ней положительно невозможно.

– Да нет, есть способы, – сказал Юрий и замолчал.

– Какие?

– Да есть такой доктор **Штейнер** в Швейцарии... Ну да ладно.

Юрий махнул рукой, и Николай понял, что лучше сейчас не лезть с расспросами».

2. Стимул: Штейнер, новая созвучная фамилия, фонетическая связка с запоминаемой фамилией.

3. Реакция: новое удерживание в памяти до более подходящего времени.

1. **Фрагмент текста № 8:** «– **Штейнер** говорит, что, когда какое-то событие повторяется несколько раз, это указание высших сил.

– Какой Штейнер? Который эту книгу о культурах написал?

– Нет. Книгу писал **Шпенглер**. Он историк, а не доктор. А доктора **Штейнера** я видел в Швейцарии. Ходил к нему на лекции. Удивительный человек. Он-то мне про миссию и рассказал...

Юрий замолчал и вздохнул».

2. Стимул: Штейнер, новая фамилия, созвучная с той, которую необходимо запомнить, но отличающаяся от того варианта, который Николаем воспроизводится.

3. Реакция: мнимое узнавание – «Какой Штейнер? Который эту книгу о культурах написал?» - контактная по степени отдаленности. Персонажем производится перенос ранее услышанной информации о Шпенглере в дополнение информации о Штейнере, герой производит свержообщение, полагая, что информация об одном и том же человеке.

1. Фрагмент текста № 9:

«– И чего они к Смольному так стремятся? – стараюсь, чтобы голос звучал спокойно, спросил Юрий. Он не успел сделать ни одного выстрела и до сих пор держал в руках часы.

– Не знаю, – сказал Николай. – Наверно, к большевикам хотят: там можно спирт купить и кокаин. Совсем недорого.

– Что, покупал?

– Нет, – ответил Николай, закидывая карабин за плечо, – слышал. Бог с ним. Ты про свою миссию начал рассказывать, про доктора Шпуллера...

– Штейнера, – поправил Юрий, острые ощущения придали ему разговорчивости. – Это такой визионер. Я, когда в Дорнахе был, ходил к нему на лекции. Садился поближе, даже конспект вел. После лекции его сразу обступали со всех сторон и уводили, так что поговорить с ним не было никакой возможности. Да я особо и не стремился. И тут что-то стал он на меня коситься на лекциях. Поговорит, поговорит, а потом замолчит и уставится. Я уж и не знал, что думать, – а он вдруг подходит ко мне и говорит: “Нам с вами надо поговорить, молодой человек”. Пошли мы с ним в ресторан, сели за столик. И стал он мне что-то странное толковать – про Апокалипсис говорил, про невидимый мир и так далее. А потом сказал, что я отмечен особым знаком и должен сыграть огромную роль в истории. Что чем бы я ни занимался, в духовном смысле я стою на некоем посту и защищаю мир от древнего демона, с которым уже когда-то сражался».

2. Стимул: внешнего стимула не наблюдается, скорее всего, Николай держал в памяти фамилию, которая вновь претерпела трансформацию до «Шпуллер».

1. Фрагмент текста № 10: «– Главное в Стриндберге – не его так называемый демократизм и даже не его искус-

ство, хоть оно и гениально, – оживленно жестикулируя свободной рукой, говорил Юрий. – Главное – это то, что он представляет новый человеческий тип. Ведь нынешняя культура находится на грани гибели и, как любое гибнущее существо, делает отчаянные попытки выжить, порождая в алхимических лабораториях духа странных гомункулусов. Сверхчеловек – вовсе не то, что думал Ницше. Природа сама еще этого не знает и делает тысячи попыток, в разных пропорциях смешивая мужественность и женственность – заметь, не просто мужское и женское. Если хочешь, Стриндберг – просто ступень, этап. И здесь мы опять приходим к Шпенглеру...

“Вот черт, – подумал Николай, – как фамилию-то запомнить?” Но вместо фамилии он спросил другое:

– Слушай, а помнишь, ты стихотворение читал? Какие там последние строчки?»

2. Стимул: «приходим к Шпенглеру».

3. Реакция: «Вот черт <...> как фамилию-то запомнить? – эмоционально окрашенная реакция, метаязыковое рассуждение о поиске эффективных путей запоминания. Однако герой в конце рассказа теряет веру в возможность запоминания и сам меняет контекст: «Но вместо фамилии он спросил другое». Перехода в долговременную память не произошло, какие бы мнемонические приемы не использовались Николаем, экспликация метакогнитивного знания не помогает ему встроить знание новое.

Таким образом, перед нами художественно воплощенная иллюстрация языкового сознания, заторможенного несколькими факторами: фоновой тревожностью героя в связи с нестабильной ситуацией в стране, влиянием на организм наркотических веществ и т. д. Реплики анализируемого нами персонажа отражают теории забывания и демонстрируют применение различных мнемотехнических

приемов, их основанный на интуиции анализ и коррекцию самим героем.

Литература

Барينو́ва И. А., Нестерова Н. М., Овчинникова И. Г. «Языковое сознание»: к вопросу об определении и интерпретации термина // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – 2010. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie-k-voprosu-ob-opredelenii-i-interpretatsii-termina> (дата обращения: 31.05.2019).

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Вербальные мнемотехники как механизм кодирования и декодирования информации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2014. – № 1. – С. 128-134.

Гридина Т. А., Коновалова Н. И. Ассоциативные доминанты восприятия невербальных сигналов коммуникации (словообраз «жест» по данным РАС) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. – 2016. – № 14. – С. 75-85.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М., 2019. – 264 с.

Лефрансуа Г. Прикладная педагогическая психология. – СПб., 2007. – С. 165-209.

Онякова А. Л., Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как лингвометодическая категория // Вопросы психолингвистики. – М., 2016. – № 1 (27). – С. 186-193.

Пелевин В. О. Хрустальный мир. – URL: <http://pelevin.nov.ru/rass/pe-khrus/1.html> (дата обращения: 31.05.19).

Петухов В. В. Лекции по общей психологии. – URL: http://univertv.ru/video/psihologiya/obwaya_i_kognitivnaya_p

sihologiya/kurs_lekcij_obwaya_psihologiya_vv_petuhova_19971998_gg/?mark=science1 (дата обращения: 31.05.19).

Ружицкий И. В. Цепочка ассоциаций как единица восприятия. Россия и русские в языковом сознании носителей иных культур // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsepochka-assotsiatsiy-kak-edinitsa-vospriyatiya-rossiya-i-russkie-v-yazykovom-soznanii-nositeley-inyh-kultur> (дата обращения: 31.05.2019).

Русский ассоциативный словарь / Ю. Н. Караулов, Г. А. Черкасова, Н. В. Уфимцева, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов. – 2002. – URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 31.05.2019).

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М., 1999. – Т. 3. П–Р. – 750 с.